

Позитив 52. 18.03.2015

Аудитория Е-228. Своевременно пришли С, Ба=Барабанов Вильям Петрович, Гф= Гарифуллин Фоат Асадович, БА= Безруков Артём Николаевич, последователь Ба-а, БН= Булгакова Надежда, диссертантка Ба-ва, Пи - студент первого курса.

Ба. - Я прибыл сюда из дома, Не помню, бывал ли я когда-

нибудь в этой комнате? На работе я сегодня не был, так как болею, что-то гриппозное, но без чихания. И поэтому никого обойти и пригласить на семинар не мог. Вчера был на защите. Я – председатель. Мой заместитель Р.Кайдриков болен, и потому мне не прийти было нельзя.

С. Я недавно видел Кайдрикова. Да, похудел.

Ба. - Много ли людей сегодня придёт?

С. Никогда этого заранее не знаю. А Вы получили ли от меня извещение?

Ба. - Я в интернетную почту не смотрю. Это вот БА смотрит. Он не только мой ученик, но и помощник и близкий человек.

С. Из устава нашего монастыря. Поощряем говорунов. В любой момент можно, подняв руку, попросить не более минуты для вступления. Всё записываем и публикуем буквально то, что вы сказали. Если будете «всю дорогу» молчать, то больше к нам не приходите. Заполняйте в бланке сведения о себе недвусмысленными записями. Например, есть пробел между символами э-адреса или нет его – это ведь существенно.

•1 Время! Исполню соло на барабане ритмику трёх

очень широко известных мелодий. Все они по возрасту не далеки от меня. Это марши.

-- ---- -- ..

.- - ---- - .. .- - - - - - - - - - - - - - -

--- -

Ба. - Марш футболистов,

С. Не надо было вслух! А кто композитор? Никто не знает. М.Блантер. {В тридцатые годы написано}. Ну, а вот это что:

- -

--- -

--- -

.. -

Опять мелодию угадал Ба. Но кто был композитором – никто не знает. Ю.Хайт, студент-юрист из Киева. Это - двадцатые годы. Вот третья мелодия:

--- -

.. -

Гф. - Это марш авиаторов?

С. Тот марш я уже перед этим пытался показать. А это музыка, под которую отправляют поезд «Татарстан» в Москву.

Ба. - Марш конницы.

С. Нет, он был назван маршем Красной армии.

•2 Теперь. классическая инструментальная музыка. Прошу вслух не высказывать догадки.

http://www.youtube.com/watch?v=JkiUgI00_gE Проведём викторину.

1/ Эта музыка написана в Австрии, в Германии, в Польше, в России? Угадали двое

2/ Музыка посвящена Москве, Парижу, Лондону, СПб? Двое.

3/ Композитор Глинка, Глиэр, Мусоргский, Чайковский.

Гф. - Глиэр.

С. Опять нарушение регламента. Ставлю вам минус 😊. Рейнгольд Морицевич. Немец, видимо. А родился он в Киеве. Угадали трое.

4/ Номерок портрета композитора? Сложно. Интуитивно угадал только студент Пивоваров.

5/ Всё то произведение, в котором звучит, в частности, эта музыка, называется так: «Аврора», «Время, вперёд», «Медный всадник», «Красный мак», Угадал только Ба. Причину, почему он всё угадывает, раскроем чуть позже. «Медный всадник»!

6/ Этот балет был поставлен на сцене впервые в 1929, 1939, 1949, 1959 году. Трое угадали 49.

7/ В СПб было создано жюри, которому надлежало отобрать лучшие слова на эту музыку, чтобы они стали словами гимна СПб. В то жюри были включены:

О.Басилашвили, А.Городницкий, В.Шефнер, А.Фрейндлих. Трое тут – моя придумка. Найдите одну верную фамилию.

Ба. -А Шефнер - это кто такой?

С. Вадим Шефнер - очень хороший поэт. Я его тут уже цитировал однажды, {см. Позитив-47} Я его видел в натуре, писал на него карикатуру, и эпиграмму.

Крупный советский поэт.

{«*Не привыкайте к чудесам,
дивитесь им, дивитесь!*»}

Никто не угадал актрису Алису Фрейндлих.

8/ Автор слов гимна Александр Городницкий, Александр Хазин, Вадим Шефнер, Олег Чупров? Никто не угадал. Чупров.

Вот эти слова:

*Державный град, возвышайся
над Невою,*

*Как дивный храм, ты сердцам
открыт!*

*Сияй в веках красотой живою,
Дыханье твоё Медный всадник
хранит.*

Простите за петушиное пение.

9/ Слова Чупрова были утверждены, как слова гимна СПб в 1997, 1999, 2001, 2003 году?

Один человек угадал 2003 год.

10/ На сцене Мариинского (Кировского) театра наводнение в этом балете было изображено с помощью: 1. Нескольких рядов колышимых «фанерных волн».

2. Передвигаемых многих фонтанчиков из резиновых трубок.

3. Проецирования на экран снятого крупным планом наводнения.

4. Холстин, под которые поддували воздух.

Трое молодых угадали четвёртый вариант.

Я это сам там видел. Создавалось впечатление, что вода сейчас хлынет в партер на меня.

Наибольшее число угадок 6 у **Ба**. Не удивительно, ведь он из СПб родом. Но он всегда подчёркивает, что родился в Ленинграде. Такова его память.

•**З** Итак, ясно, отчего это я сегодня дал музыку о СПб. Точнее, в чью честь. И вот по барабану стучал ☺.

Сегодня наш основной вещатель – В.П. **Барабанов**. Он дал согласие рассказать о том, как он и его соавторы работали над книгами по истории **КНИТУ**. Наши семинары проходят не как лекции. не как отчёты, не как доклады, а в форме беседы, толка. Чем непредсказуемее получится разговор, тем интереснее.

Александра Порфирьевича Бородина мы знаем, чтим и помним потому, что он был композитором оперы «Князь Игорь». Если б он был только химиком, то никто из здесь присутствующих, кроме **Ба**, о нём бы не знал.

Какие-то он там химические опыты выполнял -- для нас это десятое дело. Его заслуги в химии были заметными, но не настолько, чтобы спустя 150 лет его активно помнило бы научное сообщество. И вот первый вопрос. Вы оставляете после себя груды научных работ в области химии и ещё с десятков объёмистых книг по истории казанского вуза **КНИТУ**. Которая из этих

двух родов деятельности останется в памяти просвещённых жителей Казани спустя лет 100? Химия или ваши исторические свидетельства? Переведём вопрос в количественную меру. {Ваши труды по химии в течение 2115 года будут электронно запрошены читателями Nx раз, а ваши книги по истории **КНИТУ** Ni раз. Которая из этих двух величин окажется больше?} Разумеется, это ваше субъективное предвидение.

Ба. - Я думаю, что через такое количество лет тот человек, который что-то писал по химии или по истории химии, будет забыт. Сейчас всё настолько быстро изменяется, потому что, если посмотреть историю последних 100 лет, то из химиков, называют в основном только XIX-го века, мы называем только великих химиков – Менделеев, Бутлеров, Зинин и т. д. Но если взять XX-й век, то вот был Семёнов, лауреат. Всё. А вообще химиков и физиков кроме, опять же лауреатов, мы не знаем ни наших, ни зарубежных, и понятно почему. Мы теорию Бора знаем, теорию Шрёдингера знаем, а дальше? А дальше мы не знаем, потому что другое пошло, совсем другое время с точки зрения уплотнённой информации, сложности её, нельзя сказать оторванности, но всё-таки невос-

принимаемости обычным человеком с обычных наших жизненных позиций. И я думаю, если ещё на 100 лет нам заглянуть, и всё будет так же изменяться, то будет в целом вот что. Авторы никакой роли не будут играть. Должны быть какие-то особые линии. Вот возьмём, я как-то приводил пример, мы преподаём химию, а ведь лауреатов Нобелевской премии, которых с 1903 года стали провозглашать, ну четыре – пять.. Я как-то с большой натугой назвал девять. Остальных мы даже не упоминаем. Сказать невозможно, какие имена останутся в памяти. У нас обучались студенты в области химии. Другое дело, что касается искусства, я немного позже скажу, потому что там больше есть возможности.

Гф. - Причина в том, что мы как студентов учим? Какие программы, где бы отражались труды великих людей? Нет. У нас времени нет. У нас часов нет. Мы всегда урезаем.

{**С**. Да так и должно быть! Мой вопрос был в некоторой мере эпатажным. Для затравки. Наперчены и другие мои вопросы!}

Ба. - Нам надо минимум успеть. А менделеевскую таблицу мы всё же приводим, хотя с тех пор прошло...

Гф. - Мы не можем без этого.

Ба. - Не можем.

Гф. - А вот, между прочим, есть же такие очень хорошие примеры. Вот фейнмановские лекции. Он нашим современником был.

Ба. - Но его-то самого мы не называем, когда мы курс физики читаем, когда учим студентов.

Гф. - Мы называем XIX-й век. А потом мы не называем даже Колмогорова, Понрягина, хотя они создали учебники. Их не называют.

Ба. - Я задал вопрос студентам: «Назовите выдающегося российского физика. Ну хоть какого-то». Абсолютное большинство не знают. Третий курс.

Гф. - Да и мы почти не знаем.

Ба. - Нет, всё-таки мировых

физиков мы знаем. Бора, Гейзенберга мы знаем.

С. Да что химия, физика. Я лет семь назад попросил студентов первого курса написать фамилию какого-нибудь русского поэта. Нашлась студентка, которая не знала фамилии ни одного поэта. Даже Пушкина. Русская студентка.<...>

Гф. - Я в этой аудитории читал лекции на татарском языке. Мне отобрали лучших студентов-татар. Спросил у них, кто знает фамилии татарских поэтов? Кроме Тукая и Джалиля никого не знают.

С. Вот к этому мы приехали. Но тем не менее, всё-таки духовные ценности живут дольше, чем естественно-научные.

Ба. - Так.

С. А ещё дольше живут религиозные ценности. По две тысячи лет талдычат одно и то же. Разве не так?

Ба. - Нет. Поскольку, если говорить о религиозных, это связано с тем, что человек не может без религии, без веры в бессмертие. Без этого жить не может. Хочется всегда верить в то, что он всегда будет, ему кто-то сделает. Вот в таком плане это будет уве-

ренно сохраняться. А форма культа религиозного – это меняется.

С. А почему у нас тут 3 рыбы? Ладно, будут они счётчиками.

поэтому основа для нас, конечно, написание учебной литературы. Как мы пишем? Мы пишем для себя или для слушателей? Иногда хочется сказать, мы пи-

Гф. -А какой вывод-то? Что нельзя, что ли, историю писать?

С. Ну, так, **Ба**, расскажите нам.

Ба. - Хотел бы сделать преамбулу. Вот здесь есть двое пишущих, а другие писать будут в будущем. Для нас книга – форма передачи нашего труда. Мы о чём-то думаем, что-то творим. Это вот в книги перекладываем. Что у нас первое? Это, конечно, в стенах вуза – преподавание.

шем только для студентов. Нет, мы преподаём, нам что-то интересно. Мы начинаем писать для себя, предлагая это студентам.

Вот одна из первых книг, которая у меня вышла. Это второе издание. Первое вышло в 1968 году, «Краткий курс физической химии». Вышло по просьбе Министерства, издательства. Почему появился такой краткий курс физической химии?

Этот курс в больших объёмах известен для университетов, но в технологическом институте определённое {меньшее! ВВС} число часов даётся. Подход инженерный. И поэтому возникла задача: давайте напишем этот курс для нас. для инженеров-химиков. Есть для металлургов, для медиков, для пищевиков, а мы написали для технологов. И потом дальше, дальше шло и последнее - это 2014 год «Электрохимия и химическая кинетика». Учебник. Только что вышел. С грифом. Почему он появился? У нас теперь бакалавры, возникли другие специальности, форма обучения, сокращение часов и т.д. Вот и понадобилось сделать в другом виде. Вот за эти 50 лет, ну, где-то 15 - 20 у меня различных изданий было, но вот прошло время и мы к этому пришли. Сразу же дам маленькую реплику. Упомянуто УМО, но для нас это, конечно, самообман. Это то, что в отчёте надо публиковать. Ведь самые известные наши книги, возьмём Раковского «Физическая химия», Глестона, Чичибабина – никаких грифов тогда не было, а мы до сих пор ими пользуемся. Поэтому мы ставим для себя ненужную эту рамку формально, иначе ничего не добьешься. Это одна сторона.

(С. Диалектика: нужное не нужно)

Ба - Вторая – наука. Естественно, научные наши данные тоже должны выходить в публикациях. Ну, прежде всего, конечно, это статьи, обзоры, которые мы публикуем. У меня более 900. То есть писать приходилось много. Количество монографий гораздо меньше. Вообще понятие монографии, я считаю, что это такой комплекс своих мыслей, своих представлений, своих каких-то новых данных, связанных с соответствующей деятельностью. За всю жизнь много монографий не напишешь. И когда я на последнем отчёте услышал на учёном совете, что в прошлом году в университете было написано 98 монографий, а один отчитывался, что он сам за пять лет у нас вот написал 45 монографий...

С. Это кто? У нас?

Ба. - У нас. Не буду называть.

С. Но это рекордсмен. Непременно наведу справки. Это ведь не секрет.

{Обратился я к учёному секретарю **КНИТУ**. В её памяти не зафиксировались сведения о таком рекордсмене. Она высказала гипотезу: может быть, имеют в виду Г.Е.Заикова, москвича, который нередко бывает обозначен соавтором в наших монографиях?

В интернете нашёл весёлую мысль профессора Г.Е.Заикова:

«В последнее время я вывел формулу (definition), когда приходит старость: «Старость приходит тогда, когда количество денег на лекарства и медицину в целом становится равным (или превышает) количество денег на еду, одежду и все удовольствия вместе взятые».

Ба. - Последняя у меня вышла суммарная монография по адсорбции в 2014 году.

А так, ну было по электрохимии, по растворам, по термодинамическим свойствам. Ну, я бы назвал порядка 5 - 8 монографий почти за 60 лет. Это вот то, что есть. Я считаю, что можно даже три написать. Интересы у учёного меняются, и здесь у нас тоже по цифрам, по этим показателям девальвировалось само это понятие. Когда собирают деканов и говорят: «мы должны к понедельнику наполнить наш последний выпуск Вестника, к понедельнику представьте статьи», то это, конечно, уже не творчество.

И вот теперь я отсюда перехожу к следующему, к третьему вопросу, который я даже не знаю, как назвать: просветительная сторона, воспитательная.

Гф. - Скорее всего, да.

Ба. - Почему у меня возникло стремление этим заниматься? Ну, во-первых, я давно в институте работаю, вижу как изменяется, вижу, как всё это было. а

новый человек не знает. Вот, давайте практику увеличим и прочее очень важное нужное, я могу сказать, что в 58-м году было специальное постановление партии и правительства по этому вопросу, в 61-м было принято постановление о неразрывной связи школы с жизнью. Всё это было, то есть все эти различные разговоры по реорганизации – они все были и, конечно, нужно знать. С другой стороны, мы отмечаем 125-летие вуза. Придумаю эта дата или нет? Действительно ли это так?

Стали смотреть. Я делал доклады, связанные со 120-летием. Истории там разные. И пришли к тому, что мы должны отмечать дату, начиная с 14 июня 1890-го года, хотя создавалось учебное заведение среднее, промышленное училище, дальше политехнический институт, химико-технологический и т.д., но мы брали оттуда. С чём это связано? Есть единая нить технического, а потом, как это называли, химико-технологического образования, которое шло, начиная с того времени.

Как начиналась история нашего университета? Она развивалась в зависимости от потребностей жизни страны. Мы не были изолированы. Есть конкретные данные, они опубликованы у меня.

Очень большая проблема была в конце 80-х годов XIX века, в 86-м и в 88-м годах. Во главе 20-и тысяч предприятий стояли люди с образованием — только две тысячи. Не было технологического образования. За рубежом уже были. У нас был только один технологический институт в Петербурге в 1828 году, а средних не было. Так же как и коммерческое училище и сельхозинститут, так и у нас открыли техническое училище в 1890 году.

Перейдём дальше. Революция 1917 года, что бы ни говорили, это, конечно, коренной перелом. 1918 год — белочехи здесь. Гражданская война проходит через Казань. В ноябре большевики приходят к власти. Учёный совет императорского казанского университета принимает решение не подчиняться советской власти. Было такое решение? Было. В университет не принимали татар, очень ограниченно женщин, следили за социальным составом и так далее. А тут революция. Поэтому 4 февраля 1919 года открывается политехнический институт, куда идут не закончившие школу, их принимали на дополнительные курсы, «красные студенты» идут. Какие специальности? — Те, которые были нужны в 1919 году: строители, экономисты, химики

прежде всего. Создаётся на базе промышленного училища политехнический институт в тяжёлое время 1919-го года. Дальше возьмём, кончаются 20-е года, индустриализация. Начало 30-х. Промышленность. На базе промышленного училища возникает строительный институт, финансово-экономический. С/х немножечко ранее, через два года — авиационный институт. Так история нашего института связана с запросами жизни.

В 30-е годы основная проблема — «будет война». И наш институт становится в системе Наркомата боеприпасов, спецфак и т.д. Дальше война — своя специфика. После неё восстановление. Создание новых направлений, химических заводов. Майский пленум, развитие химии в Казани, в Татарстане и пр. И вот это всё неразрывно связано с нашим институтом. Каждая из этих эпох связана с жизнью нашего института. Поэтому и встал вопрос: «Ну, давайте посмотрим, как в действительности мы жили на фоне того, что было». И отсюда пошли книги. Они, конечно, были более разбросаны. «Казанское промышленное училище», «Казанский политехнический институт», по ВОВ книга «КХТИ в годы войны». Переломными были ещё и 90-е годы. Всё изменилось. А инсти-

тут наш остался. И даже дальше пошёл, Университетом стал. Вот мы и издали такую книжку, которая называется «Переломное десятилетие. 1991-2000 год». И действительно, все эти годы, в которые вопреки всем трудностям вуз не только не сократился, но, сохраняя традиции КХТИ, вышел на следующий уровень — технологического университета. Об этом надо было написать.

С. Позвольте встретить, чтобы сплошного монолога не было. Прошу всех тоже встретить.

Вы меня заинтриговали. Я не был на том совете, на котором было сообщено, что за 5 лет некий профессор, как Вы сообщаете, нашего вуза, издал 45 монографий.

Меня сейчас это сильно «взвинтило». Это звучит, конечно, иронически. Даже саркастически. Можно ли допустить, что у нас серьёзный человек способен за пять лет написать и издать 45 серьёзных монографий?

Ба. — Ваше прилагательное «серьёзный» вот тут как раз нужно убрать. Он может издать, но не серьёзные.

С. Я рассматриваю это как курьёз, но он меня очень огорчил. Дело в том, что Ваш Верный Слуга (ВВС) имеет несчастье писать много книг. И начинаю я думать, что там, где я не

присутствую, придёт какой-нибудь странноватый профессор и скажет: «Я не буду называть фамилии, а вот я знаю одного человека в нашем вузе, который 114 книг, якобы, написал и которые, якобы, издал». И естественной будет реакция тех, кто это от него услышит: «хи-хи, и ха-ха-ха».

Ба. — В этом {Вашем} случае я назову, что это книги, которые есть, которые я знаю и могу сейчас согласиться или не согласиться, но я считаю, что эти книги нужны, хотя я не со всеми согласен.

С. Так вот, поскольку прозвучал такой косвенный {издательский} намёк, я должен дать разъяснения через присутствующую публику и в протокол нашего семинара. Ваш Верный Слуга чувствует заспинные сомнения в том, что «больно уж плодовит этот ВВС. Что-то он там такое пишет, не знай чего». И на это я могу ответить. Замечая такие сомнения, я давненько уже стал применять к самому себе гораздо более высокие требования и планки, чем принято в научном обществе и в обществе сотрудников высшей школы. Вот последние 70 или 80 моих книжечек. Это вовсе не обязательно только лишь монографии, тут много всего. Разнообразии.

Так вот все или почти все я отдавал, если мне предоставлялась такая возможность, на рецензирование всякий раз каким-то новым докторам или кандидатам наук, которые до того моими рецензентами не были. Я искал на стороне, в других городах, посылал, чтобы не было шалмана, {круговой поруки}.

Чтобы не создавалось ложное впечатление, что я заладил какую-то шарманку и пишу какую-то халтуру благодаря тому, что у меня, якобы, есть круг приближённых рецензентов, которые мне поддакивают, или у меня хорошие отношения в каком-то издательстве. Вот у меня порядка 200 рецензентов докторов и кандидатов наук по всей стране. {Вам, **Ба**, очень не хотелось видеть опубликованными именно эти исключительные сведения обо мне. Вам хотелось причесть меня под мерки всех прочих. Было это? - Было}.

Второе. Я не издавал книги в одном и том же издательстве. Десять городов и 20 разных издательств у меня было.

Ба. - Дело в том, что вас волнует, как говорится...

С. Меня задело это за живое. Про некоего человека, Вы иронически говорите за его спиной, что он издал 45 монографий за 5 лет. И это нам смешно. {Этот имярек публично Вами

высмеян с помощью недомолвок}. Да ведь и про меня так можно злословить. И это НЕ смешно. {Это становится демагогией и клеветой}. Я издал 114 разнообразных книжек. За каких-то 45 лет. Ха-ха, ха?? {А ведь это – **псевдовысмеивание от импотентов**. О них я уже писал в книге «ПОЗИТИВ. 15 толков» на с. 45 - 52. Они отмолчались в тряпочку, им нечего возразить!}.

Ба. - И что же получается? У него же 45 за 5 лет. Вот эти все 100 с лишним книг, которые Вами изданы, они вошли в наши отчёты? Нет. Потому что те люди, которые писали для отчёта, они м.б. даже и не видели этих монографий, они могли быть изданными и не здесь Она написана где-то и там фамилия входит в отчет. Вот это и делает этот труд монографией для отчёта.

Второе место по цитируемости у нас занимает человек, который не профессор нашего университета, совместитель. Фамилию не буду называть. А в списке он идёт, как самый лучший от нас. Самый! Есть такой, который столько пишет. Это что?

С. А это чудеса наукометрии, Это побочный продукт дел любимого Вами протеже, который взял на себя функции главного наукометриста, наукознатца. Он считает себя главным наукомет-

ристом, он считает, сколько у кого индексов Хирша. И на этом основании уверенно расставляет по полочкам всех и вся. И Вы, именно Вы его поощряете.

{У меня чисто научных монографий опубликовано в разных издательствах по нижней мерке две штуки, а по верхней – порядка 10. И я в этих монографиях всегда один автор. Никаких соавторов! В **КНИТУ** большинство людей даже не догадываются, что я – автор двух монографий на сугубо технические темы (1970 и 1975). В те годы индексирования практически не было}.

Ба. - Давайте к истории.

С. А!... Не хотите?

Ба. - Надо было показать, что наша история связана с институтом. И название книг, и расположение материала как раз, чтобы показать место нашего института. Второе. Мне удаётся проследить, что через все 125 лет проходит химия. Как бы мы ни говорили, университет то, другое, третье всё равно, нас везде знают, наше учебное заведение знают, прежде всего, как химическое. С механикой, с автоматикой, с расчётами, с теорией массообмена, с теплообменом, всё равно – химия. Поэтому, когда мы начинаем хвастаться, что вот мы специалисты и в области туризма, и в области финансов и в делопроизводстве

там, я на этих вопросах НЕ останавливаюсь.

{**С.** Когда кто-либо начинает хвастаться химией, я, как и **Ба**, на этом не останавливаю внимания. Пусть себе.}

Ба. – И третье - наличие описания людей и тех дел, которые они сделали. Если мы возьмём историю любую, ну, скажем, историю казанского университета, которому 200 с лишним лет, вот эти два тома полистаем, у них есть, ну, там имена и прочее. Там есть ректор Лобачевский, Бутлеров был. Ну, ещё двоих, троих, пятерых, а об остальных ничего. Были ли они ректорами? - Нет. Были ли они деканами? - Нет. Учёные, как творцы, они определяют жизнь. А вот эти наши книжки излагают дела этих людей. Дела этих людей и делают историю. Поэтому трудно ограничиться только периодами. Поэтому перешли на другую форму. На форму публикации книг, очерков по нашим ведущим учёным. За последние годы, начиная от работ по Камаю, по Арбузову вот эти книги, которые вышли, и кончая последними, мы постарались самых видных наших учёных дать. Ну, вот, возьмём «Научные школы и их лидеры». Это три таких тома вышло. Об органической химии, об электрохимии.

И о людях. 100 лет работы династии профессоров Аверко-Антонович, династия Николаевых, Гуревич Пётр. Дебердеев. Мифтахов Альберт. Харлампида. То есть, те люди, которые оставили следы. В первых книгах - те, кто после войны начал работать. Более основополагающие. Но опять, что писать?

Если писать только то, что они сделали, какое уравнение открыли, то не то, что через 100 лет, а уже через 10 лет это будет мало интересно. Не волнует. Поэтому надо писать о личности. Как работает? Каков педагог? Воспоминания близких, учеников. Вот письма фронтовиков, то есть показать всё. Вот такая книга у нас вышла о Сергее Михайловиче {Кочергине}. Все были на презентации. Мы дали отрывки из его дневников. письма отцу, выступления на собраниях в 50-ых годах, то есть показали, что он из себя представлял. Мы считаем, что из этого вот из всего и складывается история. Иногда говорят: «Что здесь правильное, ну, объективное?» Трудно сказать. Ну, что было собрание – это объективно. Но как, что сделано, если посмотреть на результаты, на мнение окружающих, поэтому здесь, естественно. объективность связана с тем, что нужно с разных сторон смотреть.

{С. Мнение лягушек о своих сверстниках по болоту тоже собирается со всех сторон. А наибольшее впечатление производит та, которая упала с неба и рассказала, как она побывала в Африке ☺ Шучу. Это карикатура}

Ба. - Ну и последнее, я долго говорил, что мне помогает в написании этой литературы. Я в институте 60 лет, даже больше, если считать и студенческие годы. Много прошло через меня. Второе. Я знал людей, которых не стало давно. Фоат Асадович, в 1964 году, помнишь или нет дядю Афанасия, был он в корпусе «Б»?

Гф. - Который сидел там?

Ба. - Да, да. Он помнил и рассказывал про Серёжу Кострикова (это Киров). «Шустрый был мальчик, но очень всё время голодный»... А это было в 1904 году. С 1921 года в институте работал Пакуткин. Он был и директором института. Я слушал его лекции, был хорошо с ним знаком С 1921 года работал Сегель. Он в 1921 году был чемпионом города в футбольной команде. Нина Александровна Горизонтова была, её муж Борис Иванович. Труфанов Андрей Андреевич. Я этих людей знал. Из университета химики к нам перешли. В 30-х годах пришла

казанская химическая школа. Я был у А.Е.Арбузова доверенным лицом при выборах в Верховный совет. Когда я защищал кандидатскую, он был на совете, подошёл ко мне и говорит: «Продолжайте работать». Пожал руку.

С Г.Х.Камаем у меня были совместные работы, публикации. Герман Константинович Дьяконов читал у нас лекции. Эти люди из 20-х, 30-х годов, я их знал, и хорошо знал. А дальше –

Добреньков был студентом военных лет. Я слышал многое от него, от Валентины Михайловны Ажгибецовой, которая была студенткой, со всеми с ними я вместе рядом находился. То, что они мне рассказывали, - ну немножко видоизменённо - это фон, который был в институте. Вот я думаю и стараюсь всё написать. Удаётся это или нет, это второй вопрос, а я буду и дальше говорить о людях.

Когда 95 лет было Сегелю, мы его посетили. Он предложил в шахматы сыграть. Он играл белыми. Он мне говорит, «В.П, я ведь в 21-м году славянскую защиту иначе трактовал, чем вы».

Гф. - Он до 100 лет жил?

Ба. - 101. Я был у него на столетии. Я видел этих людей, с ними общался. Поэтому вот в музее говорят: «Если мы сегодня не напишем, то следующим будет очень трудно написать. потому что так, как мы их знали, уже не будут знать»...

Гф. - Вы их видели.

Ба. - Другие не смогут написать. Поэтому вот такая объективность - мы смотрим постановления, материалы, приказы и личные дела и субъективные впечатления людей. Вот, скажем, Г.Добреньков очень много рассказывал. какой был А.Ф.Герасимов. Я помню, как его хоронили. А Добреньков помнил, как Герасимов сидит, слушает лекцию молодого преподавателя, а потом через весь зал кричит «Брешешь, Валя». Ну... Такая была обстановка. Всё это я знал, слышал.

С. Попытаюсь подкинуть огоньку немножечко. Недавно один почти незнакомый мне человек со второго факультета подарил роскошно изданный тяжеленный том об истории их

факультета. Лоснящиеся страницы, помпезное издание. 300 с.

Никакого интереса оно у меня не вызывает, и я быстро передал его в фонды нашей библиотеки, учтя, что туда издатели этих 500 экземпляров книгу не подарили. Я этих людей не знал. Предмет их исследований от меня далёк. Я даже Льва Толстого только частично читал. У меня ограниченный объём памяти. И зачем же мне тратить остатки своих дней на чтение того, какие хорошие люди были на механическом факультете, разглядывать их портреты? А они от моих интересов далеки.

Гф. - А что же Вам нравится из литературы?

С, - Стефан Цвейг, Чехов, Лесков, Бальзак. У Достоевского язык я воспринимаю как неряшливый. Мало я его читал...

Историческое свидетельство становится достаточно интересным документом в том случае, если на нём нет налёта рекламности. {Это означает, что сочинитель этого печатного документа не должен думать о том, что по его поводу скажет нынешнее руководство его епархией и уж тем более о том, пригодна ли будет эта продукция для представления на соискание нынешних официальных премий.

Тьфу-тьфу, такими свойствами обладают, например, 6 изданных

мною за свой счёт альбомов. Три «МОЙ ВУЗ», то есть оттираю его, и ещё три «ПОЗИТИВ», который перекрывает негатив. А для этого о негативе необходимо писать, не загонять его под лавку. Я стремлюсь наполнить свои издания таким негативом, перекрываемым позитивом. который считают уместным быть опубликованным все инстанции, предусмотренные в нашем вузе. Главред газеты в эти инстанции не входит. То, что попадает на страницы газеты «ТУ» – это нечто относительно процеженное. Но и этим было бы не гоже пренебрегать. поэтому и этой возможностью я тоже дорожу. Радости тут мало, но реалистичное оценивание есть. Я принадлежу к разряду вечно недовольных тем, что есть, а потому и являюсь одним из факторов антизастоя. См. отчёт о Позитиве № 51}. Все воспоминания, которые пишутся о близких временах, всегда выхолощены по части правдивости. Ещё живы дети и близкие друзья описываемых персон. И потому неприемлемо написать всю правду о каждом человеке. Не проходит это по правилам, нормам жизни общества. На полном серьёзе эти воспоминания воспринимать нельзя. Они покрыты флёром политеса.

Гф. - А что поделаешь?

С. Да уж. Вот об этом лучше не писать. Про это лучше уберите. Вот это замажьте, а вот ту остроту - ну, стОит ли? Читатели знают о фальшивых свойствах этих книг, написанных по свежим следам событий. Ещё нельзя было писать полную правду по этическим соображениям.

Не могли бы Вы процитировать из этих книг факты, свидетельствующие о критичности Вашего описания того, что было?

Ба. - Есть тут две стороны. Одна - когда мы пишем о человеке, сама его деятельность говорит о том, что он сделал. Вот о Тамаре Петровне Бурмистровой. Вот вся её жизнь. Что она там за сирот ходила – это её жизнь была. Она интересовалась жизнью людей. Это пишет не сын, не дочь, а окружающие люди. Конечно, об ушедшем человеке – либо ничего, либо хорошо. Писать плохо...

Гф. - Трудно.

Ба. - И не всегда нужно. О сложностях характера мы пишем здесь. Мы пишем, что у него были сложности. <...> Вам не интересно. Но мне приносят, когда начинаешь смотреть, как жизнь там развивалась..., конечно, что-то вас может не заинтересовать. Вот у нас есть книга «Выпускники – гордость университета». Было 500 имён.

А сейчас в этой книге 1500 имён. Большая книга.

Вот был у меня недавно Иванов Лев Александрович, он был директором полиэтилена на Оргсинтезе. Приходил ко мне. «Давай, посмотрим эту книгу». Ивановых много. Ищем. Находим. «Нельзя ли эту книгу взять?» Человеку хочется.

{С. О себе, любимом}.

Ба. - Чтобы дети и внуки знали. - Между прочим, когда мы стали говорить на ученом совете о биобиблиографии Амина Тарземанова, он говорил: «А зачем? Не нужно». Но написали. Издали. Разошлась. Конференция была – второе издание нужно. Почему о человеке было интересно? Он участвовал во многих конференциях. Как, куда он делся, мы не знаем. Человек значительно шире, чем мы о нём знаем. А кому-то это не интересно.

Вы, ВВС, написали очерк о его брате Джавдате, я знал и его. Он менее ярк, чем Амин.

С. А я тогда написал большой художественный очерк о человеке, который Вам не столь интересен и которого я НЕ знал. О Джавдате Тарджеманове. Поднял архивные материалы. Сверхзадачу себе поставил. {У нас с Вам, **Ба**, просматриваются явно и глубоко разные вкусы, пристрастия и интересы}.

Гф. - Вы, ВВС, очень интересная личность для меня лично.

С. - Ну, и что дальше?

Гф. - Я если напишу о вас, да, то тогда заинтересую других. Тоже Вас будут знать больше. В этом как раз смысл вашей жизни. Что не зря Вы прожили. Что Вы трудились, что этот автор - ваш друг. Чтобы знали о Вас много.

С. - У меня совсем другая жизненная философия, много раз подтверждённая. Не нужно мне, чтобы про меня что-то писали. Я живу в своих ста книжках, что я оставил. Мне наплевать, что обо мне говорят люди, которые не могут написать 100 книжек.

Гф. - Так нельзя к людям относиться. А вот напишут, другие знать будут.

С. Простите. {Я сказал запальчиво, неточно, грубо и оскорбительно. Да, так нельзя. Выразусь аккуратнее. Меня не интересует то, что напишут обо мне люди, не обладающие совокупностью двух следующих свойств. Первое. Этот человек должен оставить книжный след, сопоставимый с моим. Таких в **КНИТУ** есть с дюжину. Второе. Он добился своих высот, так же как и я, не имея в кармане красной книжечки-выручалочки. Таких сейчас не очень много. А живых людей, обладающих со-

вокупностью этих двух свойств, у меня перед глазами нет}.

Гф. - В нашем институте...

С. Не нужно мне, чтобы кто-то про меня писал. Не нужно.

Ба. - Г.А.Добренёв написал в 90-м году книжку о своей жизни. И размножил её в шести экземплярах. двум сыновьям, там кому-то, другу. Принёс и мне. Я взял её, зашёл к Кочневу и предложил: «Давайте, издадим». Издали. До сих пор приходят люди и спрашивают: не осталась ли книжка Добренёва? Он умер в 90 лет.

Его жена Надежда Алексеевна принесла дискету. И с неё издали. И он пришёл ко мне, составил список друзей и всем надписал. Хотя и его мнение, так же как и Амина Афтаховича, было: «Зачем? Не нужно».

Гф. - Я помню, был период института, Скворцова не было. А потом о Скворцове заговорили. Мы узнали.

С. Да уж, знаю.

Гф. - Подождите, у вас как-то обиженность. Я вот поэтому и говорю. Скворцов появился, изменился стиль жизни в образовании. Интересные вещи. На Учёном совете. Вообще Вы обновили по-своему нашу жизнь. Пусть это будет в небольшом объёме. Каждый вносит в свою меру. А Вы были большой лич-

ностью, поэтому это было более явно.

Ба. - Фоат Асадович, когда мы создавали биобиблиографию, он ни в коем случае не давал, чтобы кто-то о нём написал. Только сам. Это не совсем правильно.

С. Кто-то может и написать. Но к чужим текстам сам я не причастен. Сам я напишу вот только так. {Поучительная и одновременно постыднейшая история наблюдалась при издании двух вариантов биобиблиографии про ВВС. Одна - за границей, единственный случай в практике нашего вуза, вторая на полгода позже - у нас}.

Я давно уж не боюсь ничего. И не стесняюсь, что это будет напечатано. Мне нечего стыдиться.

Гф. - Да?

С. Да, вот так вот.

Ба. - Я сторонник открытости. Что-нибудь скажут, а потом добавят; «Это между нами говоря». Нет уж, если сказал. то не между нами. А иначе НЕ ГОВОРИ.

С. Я в этом пункте с Вами солидарен.

Я посмотрел две вот эти книги **Ба** и К^о. Это громадный труд (Фото на следующей странице).

Позвали сюда соавторов из музея. Никто, видите, не пришёл. {50 раз я их приглашал. Всегда НЕТ! Даже обсуждение своих же книг их не сдвигает с места.}

Я знаю, что такое писать книгу. У вас работал коллектив, человек пять. А иначе и невозможно.

{Если, например, издано 10 книг на общественно-исторические темы, то в пересчёте на каждого – две штуки на человека в среднем за все годы}.

Знаете ли вы, что я почти все свои книжки от начала до конца делаю сам, один? И верстаю, и оформляю, и редактирую, и бегаю по инстанциям.

Гф. - Ну, вы молодец.

С. И естественно, конечно, что ваши {историографические} книги оплачены вузом. Большая часть моих последних публицистических книг во славу вуза вышла за мой счёт.

Ба. - Об этих ваших бедах Вы мне говорили. Давайте говорить не об обстоятельствах написания, а о самих книгах. Такие книги, как наши, допустим, Вам од-

ному не написать. Почему? Например, надо найти внучку. Надо с ней встретиться, надо поговорить, она какие-то письма достанет. Если человек один будет это делать - это ему на всю жизнь.

С. Это понятно.

Гф. - У Вас, ВВС, есть и толстые книги тоже.

С. Не менее пяти толстых.

Ба. - Хорошо, что Вы участвуете вот в этом, потому что Вы профессионал в этих делах.

Гф. - Писать книгу сложно, конечно.

Ба. - Мы сейчас хотим сделать книгу по истории университета. Назовём её «Страницы истории». Это не хронологическое описание. И вот возникло обстоятельство. {Иль Маннафович} Айтуганов был, он заместитель генерального директора Оргсинтеза. Он на целину ездил.

Гф. - А, да, да.

Ба. - В 1956 - 57-м годах студенты ездили на целину. Давайте, напишем о целине? Собирали мы выпускников 58-го года, которые туда ездили.

Гф. - Я ездил в 61-м.

Ба. - Мы ездили в Красноярский край и в Казахстан. Чтобы попасть туда, надо было получить путёвку. У нас была оче-

редь по всему третьему этажу. Там сидели, приходили, требовали: «Почему?». Со слезами. В профком с жалобами. Я этим занимался. Все хотели. Вот теперь: «Давай напишем». На встрече со студентами в 2009 году один выступил и сказал: «Там мы работали, и нам ничего не дали. Мы ничего не получили». Как все взяли его в оборот! Это был самый интересный момент. Об этом нужно написать? Никто тогда не соврал. Говорят: «Были зомбированы». Ничего не были зомбированы! Поехал туда со своими друзьями, с окружающими, вкалывали с утра до ночи. Потом нам какие-то дали деньги, мы их истратили на проведение фестиваля.

{**С.** «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым»}

Гф. - Значок я там получил.

Ба. - Я к чему, что у каждого разная жизнь, и из этого складывается жизнь коллектива. Так вот это было. И об этом, конечно, нужно говорить. писать.

С. {О чём, об этом? Вы выкладываете только то, что мило Вашему самосознанию, воспитанному комсомолом}. Я всё-таки продолжаю свою жёсткую линию. Конечно, я просмотрел не тщательно. Грандиозный, полезный, хороший, нужный труд. Спасибо. У меня следующее наблюдение. Книги написаны под

влиянием редакции **ВПБ**-а, человека, верой и правдой служившего делу построения светлого коммунистического будущего общества в нашей отдельной стране. Вы были не только носителем этой красной книжечки, вы были активным функционером той организации, которая привела нас всех к полному развалу в 1992 году. Значит, это Ваших рук дело. Вы способствовали очень активно этому. Я волей-неволей находился в этом котле и насколько можно было, когда я чувствовал некоторые возможности, я сопротивлялся этому. не выполнял того, что чувствовал - это фальшь. Уходил от этого. Вы, конечно, более прогрессивный в сравнении со многими другими, но сопротивлялись несравненно меньше. **Не без Вашего деятельного соучастия рухнула страна**, вот моё мнение. Книги эти написаны с сервильных позиций. Одобряю-с. Вот всё отлично, все строили, всё хорошо... А ведь у нас же были инакомыслящие. Тот смельчак, который сказал ИНОЕ о целине. Отец Игорь Цветков. Ушёл от нас в религию. Был у нас яростный коммунист левого толка, Иванцов, кажется. Был и жёсткий русский националист, {его на кафедру к Ренату Сайфуллину перебросил с другого факультета опять же **Ба**}.

Националистическую партию создал. Националистические ноты звучали у Диярова, Нугаева. А.Курдюков – самостоятельно мыслящий человек, метранпаж ваших текстов. Мне он не друг, не сват. Но я – единственный открыто выступил в его защиту. Такой не ваш список гораздо шире. Это ведь всё булькающий бульон разномыслия! Он создавал интеллектуальную основу для будущих подвижек в социуме нашего **КНИТУ**. Всё это вне Вашего поля зрения. О таких людях Вы никогда не напишете непредвзято.

Я не согласен с рядом их мыслей и поступков, но они были, они создавали интеллектуально-психологические предпосылки, они противодействовали застою, они приближали к нам другую жизнь. А не только Вы и описываемые Вами люди. *Внимание пламенным словам, перечить им не стану. И мне не всё по барабану. Не только Вам, не только Вам.*

Ба. - {Я не могу столь высоко оценивать свою деятельность, тем более, что развал страны был вызван совсем другими причинами}. Ну, и не совсем так. Во-первых, надо посмотреть объективно, как жил институт в 30, в 40, в 70 годах. В каждом десятилетии были свои приоритеты. Они по всякому достигались. Се-

годня мы можем с улыбкой смотреть, чем-то мы можем сегодня быть недовольны, что-то считаем, что это было неправильно, но это было так. Мы не должны писать о 30-х годах, давая оценки сегодняшним днём.

{С} Этот тезис оспорим. Смотря где, смотря как, смотря что}.

Ба. - Мы про 30-е годы сейчас приподнимаем эти имена, начиная от Б.Арбузова, Г.Камая, Леонтьева, в конце концов Багаутдинова, который был расстрелян. Об этом будем говорить.

С Прежде всего надо поднять имена тех, кто погиб в тридцатые и сороковые годы.

Ба. - Страницы истории. Вышло уже. Есть и другие страницы истории, которые мы знали. Столько лет держу в своём уме, а сейчас мы, наверное, скажем. В начале 50-х годов на лекцию заходили люди и забирали студентов. Почему? А потому, что они школьниками жили под оккупацией. И в 47- 48 году они кончали школу. И если он напишет, что жил на оккупированной территории, то его не примут в вуз. В 1952 г. забирали, а в 53-м реабилитировали. Я всё это знал. Мы о них тоже говорили.

Гф. - ВВ, Вы предлагаете всех {бывших функционеров КПСС}, кто сейчас ещё на руководящих должностях, как сейчас на Украине, наказывать, что ли?

С. {Как минимум, НЕ поощрять их морально!} Основная фишка моей жизни: чего-то я добился во времена СССР (например, должности зав. кафедрой), я добился этого, не прибегая к помощи красной книжечки-выручалочки в кармане. Я не ездил в круизы вокруг Европы, поскольку не был членом вашей партии. Меня вообще не выпускали из СССР.

Гф. - Если бы не было советской власти, вряд ли вы стали бы профессором.

С. Такие рассуждизмы запрещены логикой истории. Сослагательность недопустима. {Мой папа - из семьи непьющего, не гулящего, работающего, крепкого, набожного трудяги-предпринимателя – попал в МВТУ в 1919 г}.

Ба. - Если посмотришь, Политехнический институт, кто эти люди, откуда они взялись? До 19-го года они бы сюда не попали. Ведь как Камай говорит. Он в 16 лет приехал в Казань и стал здесь учиться. Стипендии ему не давали, ему нечем было платить за квартиру. Уехал в Тетюши. В 1917 г. он приехал в Казань. Ему дали какое-то жильё в общежитии, и он здесь учился в подготовительном отделении. Там он днём работал, вечером учился. Его приняли. Потом он ушёл в Красную армию. В 26-м году вернулся. Не будем так уж отри-

цать. Кое-что было. И мы должны говорить.

Гф. - О руководящих кадрах того периода.

Ба. - Ну, в то же время — сейчас с иронией...

С. История дышит на современность. Посмотрите, что происходит сейчас. Выходит на трибуну профессор, заведующий кафедрой и говорит: «Самым умным я считаю в нашем государстве Владимира Владимировича Путина».

Я обалдел.

Гф. - Это правильно!

С. Заведующий кафедрой. Вот политическая позиция. И он говорит: «Это научный доклад».

Гф. - Это наша интеллигенция современная.

С. Это наш интеллигент.

Гф. - Вот так, вот. Хе-хе.

С. И президиум позволяет ему делать этот так называемый научный доклад.

{Я не назвал ФИО, но по протоколам УС они однозначно выявляются. См. «ПОЗИТИВ-44». Это в третьем выпуске.}

Ба. - А вы помните, какой вопрос я тогда ему задал?

С. Нет, не помню

Ба. - Почему у нас в XX веке, когда уходит глава, то следующий сразу говорит, что предыдущий был плохой?

С. - Ну, молодцом.

Ба. Николай был. - Плохой. Ленин-Сталин были. - Плохие. Хрущев был. - Плохой. Брежнев? - Застой. Горбачёв? - Развалил. Ельцин. - Пьяница. При каждом было хорошо, а когда их не стало, сразу наоборот.

С. Я вообще должен перейти от нападок к панегирику в отношении **Ба.** Сейчас он, конечно, - украшение нашего «истеблишмента». И не будем больше на эту тему. То, что Вы периодически задаёте какие-то вопросы, это очень хорошо.

{«Продолжайте работать»}.

Ба. - К сожалению, это настолько укоренилось...

Но вот границы в Европе, они без конца изменяются. И Крым - там кто только не был.

С. - Тут дело в прецеденте. Думать надо о Хабаровском крае!

Ба. - И несмотря на это основная задача жизни вуза – она сохранилась. Он не развалился. Мелочи были, но они не погубили наш вуз. Благодаря чему? А потому, что рядом с небольшой группой были ведь ещё, скажем так, 150 профессоров.

Я ещё хочу сказать, что кроме этих книг в жизни есть много интересного, которое не надо забывать, которое мы должны все понимать. Закончу я таким словами:

Севиля, Кордова, Гранада!

*Как струны гитары звенят!
И вам удивляться не надо:
хочу я вернуться назад,
где пальмы стоят вдоль дороги,
где храмы идут чередой,
где мы уставали немного
но счастливы были с тобой.*

*Как хороши в Париже вечера...
<...>.*

Вот это для того, чтобы больше осталось в памяти, для этого возникают такие строки. Они возникают в автобусе, на пароходе, в самолёте и вот то, что вы говорите - действительно книга это и есть отражение вашей души, в чём-то более свободно парящей, в чем-то более темпераментной.

С. - {Вы гуляли по Европам и получали там приятности в 70-е - 80-е годы благодаря Вашей красной книжечке-выручалочке. То, что я постеснялся бы афишировать, для Вас в самый раз}.

Вы вспоминаете очень приятного человека В.В. Лобова. Но разве он организатор науки?

Ба. - Он организатор вузовской жизни.

С. Всё верно, мой вопрос отпадает. Он ошибочен. Вы правы. Валентин Васильевич Лобов вообще – замечательная личность, украшение нашего вуза. Вот другой вопрос. Среди 19 уже умерших Вы вдруг упоминаете одну живую особу Л.М.Седову. А она бросила наш институт.

Ба. - Б.Л.Цвей тоже жив. А вот ту несправедливость, которую Л.М.Седова получила в нашем вузе – об этом я знаю, а она не афишировала. Она была активнейшим организатором многих мероприятий.

С. - Я не знал об этой несправедливости. Теперь понял.

Я не раз упоминал в своих публицистических книжках, что среди моих предков и родных - люди нескольких разных происхождений. Старообрядцы по отцу, иудеи по маме, мусульмане по супруге. Есть родственники армяне, бельгийцы, удмурты. Моя мама уцелела потому, что она записалась в 20-е годы русской в паспорте. Сейчас я считаю постыдством это скрывать.

• **5** А вот проведу-ка я маленький оживляж. Всем даю по 4 камешка. Бросьте их в урны.

Острый тезис. **Лицемерие - позитивное свойство общества, в том числе и в КНИТУ.**

Даю четыре комментария.
1. Условности и фальшивости - неизбежное свойство общения людей.

2. Лицемерит каждый человек, когда при первом знакомстве говорит: «Очень приятно!».

3. Все люди – ханжи, фарисеи и

лицемеры, но в разных формах и степенях.

4. Если я знаю, что соврать мне будет полезно, то это никакое не лицемерие, а практичность или тактичность.

У каждого 4 камешка. Бросайте их в любые урны. Результат: **1 = 8, 2 = 4, 3 = 7, 4 = 3.**

Ба. - Первые три варианта я бракую. Только четвёртый считаю разумным.

С. Кто-то положил себе в карман две гальки. Я вот голосовал за пункт **3** тремя камешками и один бросил в урну **2**.

24 марта слушаем тут Сигала П.А. Приглашаю прийти.

Ба. - Я не пойду, чтобы не привлекать к этому лишнее внимание... Лет 20 назад меня пригласили вступить в некое сообщество местных интеллигентов. Я отказался.

С. И правильно сделали. Называть себя интеллигентом?

С. Дарю оригинал-макеты своих старых учебных брошюр.

Вручаю **Ба** свой текст с сайта **КНИТУ**; «Кто такой ВВС».

Ба пишет: «ВВС не страдает от отсутствия скромности».

{**С.** В резюме «Кто такой ВВС» нет самооценочных позитивов. Только факты.

ВПБ не страдает от отсутствия самокритичности}..

Это Р.Глиэр.

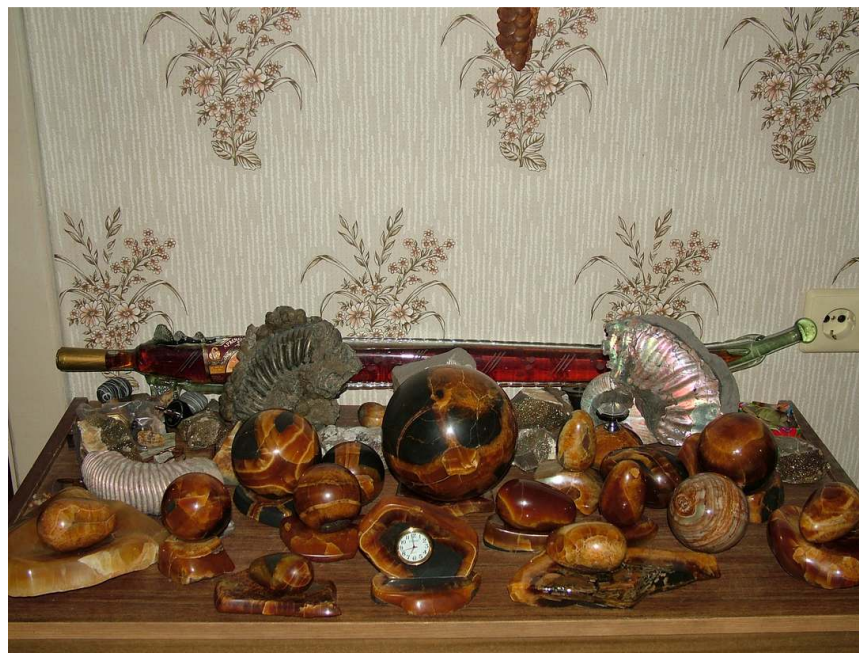
Симбирцит

Наши рассуждения о значимости наших свершений приложимы только на крайне малом отрезке времени. Несколько лет - и всё. 50 лет - большая редкость. 500 - смешно и думать.

Письмо из Ульяновска от доктора технических наук, проф. В.Р.Крашенинникова, г.р. 1945.

Справка: ВРК - автор нескольких научных монографий по теории распознавания образов, научный руководитель 10-и кандидатов технических наук.

«Прилагаю фотографии своих изделий из симбирцита. Этот минерал находят только в окрестностях моего города. Процесс обработки камня весьма щекотлив. На токарном станке надо работать в защитной маске и непрерывно обливать обрабатываемый камешек мощной струей воды.. Так вот я их наделал и раздарил довольно много. Это вещи долгоживущие, в них и будет моё "бессмертие". А статьи и книги скоро забудутся, результаты полученные по мере надобности будут "перезоткрыты". Увы, это наша судьбушка. В вечность уходят результаты поименованные, например, формула Байеса, процесс Маркова и т.п. Да и то за рубежом стараются российские имена отъять».

ВВС: Один такой амулет из симбирцита ВРК подарил моей семье пять лет тому назад. Я его положил в шкаф, там он до сих пор лежит, если только кто-нибудь не взял его оттуда.

Несколько миллионов лет назад на территории нынешнего Поволжья было море. Окаменевшие останки скелетов живых существ, которые в нём обитали, ныне стали камнем, получившим название симбирцит.

**Пропагандируя
симбирцит,
аннигилирую
крашенинницид.**